

Куанышева А.Б.

Идеографическое описание фразеологических единиц как источник культурно-значимой информации (на материале «Словаря русского языка XI-XVII вв.»)

Статья посвящена проблеме выявления специфики фразеологической картины мира в диахроническом аспекте. В частности, показано, какие культурно-исторические особенности эпохи Московской Руси нашли отражение в содержательной стороне устойчивых сочетаний. В работе предлагается классификация фразеологизмов по идеографическим полям. В центре внимания оказывается тематическая группа «Человек». Внутри этой группы вычленяются фразеосемантические поля, раскрывающие свое содержание через набор фразеосемантических групп. Рассматриваются лексикографические источники идеографического типа. Особое внимание уделяется лингвокультурологическому, ономазиологическому анализу фразеологизмов эпохи великорусской народности. В заключении установлено, что идеографическая систематизация фразеологизмов способствует выявлению заложенной в них культурно-значимой информации.

Ключевые слова: идеографическая классификация, языковая картина мира, фразеологическая картина мира, фразеосемантическое поле.

Kuanysheva A.B.

The ideographic description of phraseological units as a source cultural and significant information (on the material of the Dictionary of the Russian language of the 11th-17th c.)

The article is devoted to the problem of revealing the specifics of the phraseological picture of the world in the diachronic aspect. In particular, it is shown which cultural and historical features of the epoch of Moscow Rus are reflected in the semantics of phraseological units. In work classification of phraseological units by ideographic fields is offered. The focus is thematic group «Man». Within this group singled out phraseosemantic fields, revealing its content through a set phraseosemantic groups. Discusses the lexicographical sources of ideographic type. Special attention is paid to linguoculturological, onomasiological analysis of the phraseological units of the epoch of the of great Russian nationality. In conclusion, it is established that the ideographic classification of phraseological units contributes to the revealing of cultural and significant information.

Key words: ideographic classification, language picture of the world, phraseological picture of the world, phraseosemantic field.

Қуанышева Ә.Б.

Тілдік бірліктерді мәдени-мазмұндық ақпарат дерек көзі ретінде идеографиялық сипаттау («XI-XVII ғғ. орыс тілінің сөздігі» материалы негізінде)

Мақалада диахроникалық аспектіде әлемнің фразеологиялық сипатының ерекшелігін анықтау мәселесіне арналған. Атап айтқанда, Мәскеулік Ресей дәуірінің қандай мәдени-тарихи ерекшеліктері тұрақты тіркестердің мазмұнында көрініс тапқаны көрсетілген. Жұмыста фразеологизмдердің идеографиялық өрістер бойынша жіктелуі ұсынылады. Басты назарда тақырыптық топ ретінде «Адам» болады. Осы топтың іші фразосемантикалық топтардың жиынтығы арқылы өз мазмұнын ашатын фразосемантикалық өрістерге бөлінеді. Идеографиялық түрдің лексикографиялық қайнаркөздері қарастырылады. Ұлы ресей ұлты дәуірі фразеологизмдерінің лингвомәдениеттік, ономазиологиялық талдануына ерекше көңіл бөлінеді. Қорытынды бөлімде фразеологизмдерді идеографиялық жіктеу оларда орналасқан мәдени-мазмұндық ақпаратты анықтауға көмектесетіні анықталды.

Түйін сөздер: идеографиялық жіктеу, әлемнің тілдік сипаты, әлемнің фразеологиялық сипаты, фразосемантикалық өріс.

**ИДЕОГРАФИЧЕСКОЕ
ОПИСАНИЕ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ КАК
ИСТОЧНИК КУЛЬТУР-
НО-ЗНАЧИМОЙ
ИНФОРМАЦИИ
(на материале
«Словаря русского языка
XI-XVII вв.»)**

Современное языкознание характеризуется двумя отличительными особенностями – раздробленностью, диффузностью отдельных направлений и интегративностью. Это связано с рядом факторов, которые оказали влияние на изменение парадигмы, а точнее парадигм лингвистических знаний, среди которых ведущее место принадлежит антропоцентрической парадигме. В центре внимания лингвистики начала XXI в. находятся уже не шахматные фигуры и не правила игры (Ф. де Соссюр), а сам играющий человек, говорящий на том или ином языке со своей системой ценностей, характером, мировоззрением, миропониманием, мировосприятием, входящий в определенную культуру и отражающий ценности этой культуры в языке.

Цель данной статьи – дать идеографическую классификацию фразеологических единиц (далее ФЕ) позднего Средневековья с использованием теории семантического поля, доказав реальность существования особого фразеологического субуровня в форме фразеосемантических полей как реакции на экстралингвистические изменения в жизни средневековой Руси XV-XVII вв.

Данное исследование опирается на материалы нашей кандидатской диссертации, не получившие широкой публикации. Поэтому считаем необходимым использовать для демонстрации наших положений ее богатый языковой материал, а именно ФЕ, отобранные путем сплошной выборки из Словаря русского языка XI-XVII веков. Общее их количество – 2347 единиц. Количество ФЕ периода XV-XVII вв. составило 1972 единицы от общего числа, что указывает на преобладание единиц эпохи великорусской народности и вполне согласуется с основным принципом построения данного исторического словаря, а именно – ориентацией на описание лексико-фразеологического фонда средних веков (позднее Средневековье), поскольку фонд XI-XIV веков подробно описан в «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского.

Вопрос о классификации ФЕ слов нельзя считать окончательно решенным, несмотря на большое количество работ по этой проблеме. Смена научных парадигм в лингвистике привела к новому взгляду и на фразеологию в целом, включая вопрос о классификации ее единиц, к которому следует

подходить с точки зрения новой, динамической парадигмы знания, так как классификация ФЕ, осуществляемая на структурно-семантической основе, уже не отвечает задачам, поставленным в рамках антропоцентрической парадигмы. На наш взгляд, имеющие место в науке и отвечавшие запросам времени классификации ФЕ, в основе которых лежит структурно-семантический принцип, а также классификации по стилистической окраске, в меньшей мере способствуют выявлению культурно-антропологического «портрета» народа в зеркале языка и уже не являются актуальными.

В соответствии с целью нашей работы мы считаем необходимым опираться на классификацию, которая имеет идеографическую, или тематическую ориентацию. Основанием предлагаемой классификации служит денотативный аспект значения, а точнее – «его категоризирующий макрокомпонент, соотносимый с типовым представлением и обеспечивающий модельную изоморфность значения тому, на что это значение способно указывать» [1, 157]. Обращение именно к этой классификации вызвано тем, что, во-первых, классификации по тематическим микросистемам показывают круг наиболее существенных в жизни народа понятий, по ассоциациям с которыми формируется обозначение абстрактных образов, психологических, эмоциональных, интеллектуальных состояний и пр.; во-вторых, с точки зрения идеографического описания языка ФЕ можно представить в виде системы взаимодействующих семантических полей, которые образуют сложную и специфическую для каждого языка «картину мира»; в-третьих, вплетение культурно-значимой информации в план содержания ФЕ и, соответственно, обретения ими роли знаков языка культуры могут быть выявлены в лингвокультурологическом анализе на достаточно представительных массивах идеографических полей, так как, по мнению В.Н. Телии, «культурно-национальная специфика ФЕ может быть обнаружена не на единичных примерах, а на массивах данных» [1, 258].

Идеографическое описание языка имеет свою традицию. Первые словари подобного типа появились в XVI в. Особенность таких словарей состоит в том, что в них рассматриваются или только слова, или только фразеологизмы. При этом устойчивым оборотам уделялось меньшее внимание: их идеографическое описание началось совсем недавно. Тем не менее, в лексикографической практике активно обсуждается

проблема создания тематико-идеографических словарей фразеологизмов, предложены первые опыты их создания. К таковым относятся, фразеологический идеографический словарь (на материале белорусского, польского и русского языков) А.С. Аксамитова, «Словарь-справочник русской фразеологии» Р.И. Яранцева, «Учебный тематический русско-татарский фразеологический словарь» Л.К. Байрамовой, Словарь фразеологизмов польского языка Т. Игликовской и Х. Курковской, сделаны первые шаги по созданию «Болгарско-русского тематического словаря фразеологизмов» С. Георгиевым, «Толковый идеографический словарь русских глаголов. С указанием английских эквивалентов», издан коллективом авторов Уральского государственного университета им. А.М. Горького под руководством проф. Л.Г. Бабенко. Помимо составления идеографических словарей в синхроническом аспекте также предпринимались и более активно предпринимаются попытки вовлечения идеографического инструментария описания фразеологии и в диахроническом плане (Л.В. Щерба, на современном этапе – В.М. Мокиенко).

По мнению Л.В. Щербы, словари идеографического типа «в конце концов, должны дать материал для построения истории мышления, отраженного в языке» [2, 295]. Исследователь полагает, что тогда-то и вскроются многие причины языковых изменений, которые для нас сейчас совсем не видны: «на базе хороших этимологических и исторических словарей можно будет тогда написать новые захватывающие книги, которые будут рассказывать, почему то или другое понятие получало новую форму выражения, как рождались новые понятия и как разлагались старые» [2, 295]. Иными словами, Л.В. Щерба в свое время уже обратил внимание на необходимость создания идеографического словаря (а мы добавим, – или изучения языковых фактов любого уровня с позиций идеографии на диахроническом материале), который должен быть в то же время и историческим. Тем самым ещё в 40-е годы был в какой-то степени намечен тип исторического идеографического словаря, подготовка к составлению которого, на наш взгляд, должна вестись в пределах отдельных диахронических исследований на конкретном языковом материале, каковым является и фразеологический фонд русского языка в ретроспективе. И диахроническая русистика уже начала подобную работу. Так, в наши дни В.М. Мокиенко подчеркивает тесную связь идеографии с историко-этимологическим под-

ходом во фразеологии, отмечая, что это «органически связанные проблемы уже потому, что семантика составляет и функциональную сущность ФЕ как особых элементов языка, и искомое лингвистического анализа данных единиц» [3, 3], а «семантические модели, выявляемые в процессе идеографического распределения языковых единиц, служат довольно надёжным критерием проверки многих этимологий» [3, 4]. Итак, начав с тематических словарей, пройдя через этап «алфавитных», фразеография возвращается к созданию словарей идеографического типа.

Предлагаемая в данной статье классификация имеет идеографическую ориентацию, в соответствии с которой выделен ряд тематических групп, внутри которых вычлняются фразеосемантические поля (ФСП), раскрывающие свое содержание через набор фразеосемантических групп (ФСГ) и которые, в свою очередь, образуют фразеологическую картину мира. Это вполне закономерно и возможно, так как применение данного метода в диахроническом аспекте, помимо выявления культурной информации, позволит проследить динамику фразеологической номинации, то есть активность поля и его членов в определенный период развития языка.

Выявленный фонд устойчивых сочетаний распределен по нескольким ИП: «Человек и его характеристика» (931 ФЕ), «Природный мир» (128), «Образ и способ действия» (131), «Время» (93), «Предметы, созданные человеком (артефакты)» (78), «Место» (62), «Количество» (38), «Степень и мера действия» (12). В центре оказалось макрополе «Человек», репрезентирующее соответственно и сам концепт «Человек» эпохи зрелого Средневековья. Данное поле составило приблизительно 50% общего объема фразеологии Средневековья. Поскольку большой по объему языковой материал не позволяет рассмотреть в рамках одной статьи классификацию целиком, поэтому в данной статье ограничимся лишь на указанном поле, в котором выделены следующие ФСП:

1.1 Род занятий средневекового человека и отражение его во фразеологии (351 ФЕ).

В данном фрагменте ИП «Человек» непосредственно отражен круг тех культурно-исторических событий, которые имели место в эпоху Московской Руси и которые в целом составили экстралингвистическую ситуацию периода XV-XVII вв. Так, процессы образования русского централизованного государства, объединения русских земель, протекавшие в сложных исторических условиях, как свидетельствуют иссле-

дователи (Лихачев Д.С., Сахаров А.М., Бычков В.В.), постоянно сопровождались военными действиями. Указанные факторы оказались широко запечатленными в средневековом фразеофонде, в котором ФЕ военного дискурса составили наибольшее количество.

1.1.1 военные: (93) вступати въ стрѣмя 'выступать в поход', подъяти желѣзо и камень 'начать воевать', сложити ружье 'прекратить военные действия', вступити на выю чю-л. 'победить, покорить', подписати мировую 'заключить мирный договор' и др.

Характерными чертами нового централизованного государства явились резкое усиление великокняжеской власти, сложение новой государственной организации, а с кон. XV века – формирование и приказной системы центрального управления, оформившейся к нач. XVII в. Большое значение имело создание первого великокняжеского Судебника 1497 г., который положил начало *юридическому оформлению системы крепостного права в общегосударственном масштабе*. Этот факт не остался незамеченным в языке и получил выражение во ФЕ юридического дискурса:

1.1.2 юридические: (65) возводити судью (судей) 'возбуждать судебное преследование', искати судъ 'просить судебного разбирательства', искъ искати (отыскивати) 'предъявлять иск', вскинути грамоту 'расторгнуть договор' и др.

На становление определенного участка средневековой фразеологической системы языка оказал влияние и такой экстралингвистический фактор, как усиление международного значения Русского централизованного государства, что способствовало установлению дипломатических связей с различными странами (Молдавией, Закавказьем, Австрией). В эти столетия еще заметнее стало особое международное положение Москвы, что и оказалось зафиксированным в устойчивых сочетаниях государственной сферы:

1.1.3 государственные: (51) предати свою страну въ (чю-л.) преграду 'отдать свою страну под защиту другого государства (путем присоединения её к этому государству)', исправи-ти посла, посольство 'направить, снарядить, послать посла, посольство', исправили власть 'осуществить правление, управление', рядные мужи 'сановники' и др.

Одной из идеологических доминант культуры на протяжении веков существования классовых обществ являлась религия. Церковь и школа – два главных фактора русской, как и всякой

другой культуры. При этом, по замечанию ряда ученых (Бычков В.В., Милуков П.Н., Тэнасе А.), культурное влияние церкви и религии было преобладающим в исторической жизни русского народа, поскольку само крещение Руси, по справедливому мнению о. Георгия Флоровского, «не следует представлять себе как единичное событие, для которого можно назвать определенную дату. Это был сложный и очень многообразный процесс, длительный и прерывающийся, растягивающийся даже не на десятилетия, а на века, и начался он, во всяком случае, раньше Владимира» [4, 89]. Именно средневековый период характеризуется прежде всего доминирующей властью церкви, как социального института и как духовного начала. Поэтому не случайно, что ФЕ религиозного дискурса составили значительный пласт средневекового фразеолофонда:

1.1.4 религиозные: (47) полагаати крестъ на себя ‘осенять себя крестным знамением’, *вязати грѣхи* ‘не давать отпущения грехов’, *соборовати масломъ* (кого-л.) ‘совершать над кем-л. обряд соборования’, *класти поклоны* ‘кланяться во время молитвы’ и др.

Образованию централизованного государства послужили и определенные экономические предпосылки, среди которых историки выделяют труд народных масс – крестьян и ремесленников. Видимо, поэтому в рассматриваемом фразеолофонде выделяются и ФЕ, относящиеся к сельскохозяйственной сфере:

1.1.5 сельскохозяйственные: (12) водити пашню ‘заниматься земледелием’, *ввести сѣло, землю* ‘отдать в заклад’, *опастн лошадыми, коньми, животиною* ‘лишиться скота’.

Наряду с земледелием развивалась и торговля. Русские купцы торговали со странами Востока, Литвой, Новгородом. На основе роста производительных сил и общего подъема экономики стали складываться предпосылки объединения страны в централизованное государство. Данный факт также получил отражение во ФЕ.

1.1.6 экономические: (11) водити денги въ ростѣхъ ‘давать деньги в рост’, *метати что-л. за бесцѣнокъ* ‘продавать по низкой цене’, *вязати вязку* ‘вступать в сговор’.

В средневековом фразеолофонде также нашёл отражение процесс активного развития ремесленного производства, начавшийся с сер. XIV в. Наибольшего развития достигают ремёсла, связанные с выделкой изделий из железа, кожи, мастерство серебряников, резьба по дереву, кости, строительные и ювелирные ремесла. В XVI в. происходит усиленное развитие ремесел, растет

дифференциация специальностей, что проследживается во ФЕ:

1.1.7 из разных областей: (72) ремесла, медицина, строительное дело и т. д.: дѣлати сапожное (дѣло) ‘заниматься ремеслом сапожника’, *сальный свѣчникъ* ‘тот, кто изготавливает сальные свечи или торгует ими’, *кинути руду* ‘сделать кровопускание в лечебных целях’.

1.2 Нравственные и морально-этические качества человека (173 ФЕ): поработати своему слову ‘сдерживать свое слово’, *отходити московским часомъ* ‘отделяться обещаниями’, *слазитись (отъ) одра* ‘прелюбодействовать’ и др. Данная часть ИП по своему количественному составу занимает второе место в нашей классификации, что указывает на значимость нравственного критерия в сознании средневекового человека, духовного начала, которое несла с собой церковь, обладающая доминирующей властью в тот исторический период. Вместе с тем языковой материал данного фрагмента ИП демонстрирует сосуществование как секулярной, так и религиозной морали.

1.3 Интеллектуальное состояние человека (132 ФЕ): вкусити учения ‘постичь, научиться’, *повѣсити (с) мысль* ‘напрячь ум, задуматься’, *положити на сердце* ‘внушить мысль о чем-л.’ и др. Указанное ИП отражает интерес к человеку, прежде всего к его способности мыслить, постигать и понимать окружающий его мир. Церковь определяла интеллектуальную жизнь человека, ставя перед ним задачу – постижение Бога и сотворенного им. К тому же именно в эпоху великорусской народности распространение просвещения на Руси достигло значительных успехов.

1.4 Чувства (психологические состояния), эмоции человека (76 ФЕ): сердце облегчитн ‘сменить гнев на милость’, *гроза обоиде* ‘ужас объял’, *взяти любовь* ‘заключить мирный договор’ и др. Разработанность данного ФСП, возможно, тесно связана с распространением христианского учения, поскольку эмоциональные, психологические переживания личности являлись новой опорой христианства. Повышенный интерес к человеку были особенно благоприятны для сопутствовавшего интереса церкви и ко всему национальному.

1.5 Семейная и бытовая жизнь человека (70 ФЕ): поити и кормити ‘содержать, обеспечивать едой’, *водити жену* ‘жениться’ и др. Немаловажную ценность для средневекового человека, как показывает наш языковой материал, представляла его семья. Данная сфера также оказалась достаточно запечатленной во фразео-

фонде. Как видим, ФЕ, единые денотативно, образовались не только для передачи бытовой понятийной сферы, но и с использованием номинаций с бытовой семантикой – «власы», «огнь», «жена» и т. п.

1.6 Здоровье человека (58 ФЕ): *коснуться въ умэ* ‘потерять рассудок, повредиться в уме’, *сердце смущается* ‘о тошноте’, *десное мясо* ‘цинготные опухоли на деснах’, *неустройство стомахово* ‘о нарушении пищеварения’ и др., по которым можно представить такой культурный фон, как круг болезней человека и развитие процесса их номинации, также отражающий динамику внутри данного фрагмента ИП «Человек».

1.7 Волевые акции (и их отсутствие) (53 ФЕ): *войти въ (чью-л.) волю* ‘сделаться собственностью’, *въносъ загнуть* ‘смирить’, *проливати поты* ‘прилагать усилия’.

1.8 Физиология человека (44 ФЕ): *вкушати сна* ‘спать’, *носомъ мизати* ‘шмыгать носом’, *вступативъ бремя* ‘беременеть’, *во сна брусити* ‘бредить, бормотать’ и др.

1.9 Внешность человека (17 ФЕ): *бровми союзный* ‘со сходящимися бровями’, *свэтильникъ тэлу* ‘перен. о глазе’, *краи ушесе* ‘мочка уха’, *вышний персть* ‘указ. палец’.

В целом глубокую разработанность макрополя «Человек» в средневековой фразеологической системе языка можно объяснить широким влиянием христианской религии, поскольку, как заметил В.В. Колесов, христианство позволило взглянуть на себя и на мир, вызывая тем самым активность рефлексии о мире [5, 263]. Проявляется это в активном использовании религиозной лексики в составе ФЕ, входящих в ИП «Человек».

Итак, при всей классификационной неопределенности рассмотренные ФЕ все-таки дают зримое представление о комплексе проблем, которыми жили великоросы в период Московского государства и которые можно спроецировать на культурные знания той эпохи.

Представленный фразефонд демонстрирует языковую репрезентацию сложного и противоречивого мира культуры Средневековья. Экстралингвистическая ситуация эпохи Московского государства оказалась широко зафиксированной в языке, в частности, в таком виде языкового знака, как устойчивое сочетание. Во фразеологизмах получили отражение прежде всего такие историко-культурные процессы эпохи Средневековья, как:

– создание русского национального государства, связанное с быстрым развитием эко-

номики, ремесел, усилением торговых связей, с особым вниманием средневекового человека к вопросам общественного блага, государственного устройства, системе управления (ФЕ из юридической, экономической, военной, сельскохозяйственной сфер);

– установление доминирующей роли церкви, несшей с собой активное духовное начало, проявлявшей повышенный интерес к психическим и мистическим переживаниям личности, а также дающей первые проблески эмпирического наблюдения природы, что и запечатлено в преобладающем количестве ФЕ, характеризующих человека с различных сторон: со стороны нравственных и морально-этических качеств, со стороны его внутреннего эмоционального, интеллектуального мира, организации им своего быта.

Итак, идеографическая классификация ФЕ позволяет сделать некоторые наблюдения над тем, как структура бытия средневекового человека оказала влияние на формирование «языка его культуры». Думается, что возможности ономазиологического анализа в плане выявления национально-культурной специфики языковых единиц еще далеко не исчерпаны. Ономазиологический подход обращает нас к самому процессу номинации, он позволяет понять, какие смыслы были предметом особого внимания человека, а «поскольку смысл никогда не ограничивается «пространством» одного слова, то одни участки семантической системы языка оказываются довольно детально проработанными в языковом плане, другие – довольно поверхностно» [6, 44], т.е. в любом языке маркируется (включая и уровень фразеологии) то, что является биологически, социально и культурно значимым в сознании народа. Отсюда можно предположить, что фразеологический состав определенным образом организует смысловое пространство языка, обуславливая первоначальный отбор значимых фактов, ибо «избирательность мотивационных признаков, актуализируемых в номинативном акте, и есть тот ключ, который позволяет открыть тайну «сокрытых смыслов» языка любой культуры» [6, 46]. Конечно, нельзя не учитывать тот факт, что культурная информация существует в языке большей частью в латентном, не проявленном состоянии, но она может прочитываться и «при условии знаний регулятивных принципов семантической организации всего лексикона» [6, 46] языка. Поэтому при системном ономазиологическом подходе она неминуемо должна проявиться, тем более

что фразеологический состав является одним из главных средств языковой концептуализации мира, что и подтверждает приведённая классификация отмеченных в СлРЯХІ-ХVІІ вв. ФЕ Средневековья. Идеографическая систематизация как лакмусовая бумажка проявляет самые актуальные для русского человека этого

периода культурные лакуны, заполненные и в жизни, и в языке соответствующими понятиями и номинациями в виде ФЕ, которые наиболее полно (в силу их более сложной и, следовательно, семантически более информативной структуры) отвечали номинативной потребности русского человека исследуемого синхронного среза.

Литература

- 1 Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологич. аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 286 с.
- 2 Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Л.В. Щерба Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – С. 236-289.
- 3 Мокиенко В.М. Идеография и историко-этимологический анализ фразеологии // Вопросы языкознания. – 1995. – №4. – С. 3-14.
- 4 Юдин А.В. Русская народная духовная культура: учебное пособие для студентов вузов. – М.: Высшая школа, 1999. – 331 с.
- 5 Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002. – 448 с.
- 6 Вендина Т.И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // Вопросы языкознания. – 2002. – №4. – С. 42-71.

References

- 1 Thalia V. N. Russian phraseology: semantic, pragmatical and linguoculturological aspects. – M.: Languages of the Russian Culture school, 1996. – 286 p.
- 2 L.V's Shcherba. Experience of the general theory of a lexicography//L. V. Shcherba Language system and speech activity. – L.: Science, 1974. – P. 236-289.
- 3 Mokiyyenko V.M. Ideography and historical and etymological analysis of phraseology//linguistics Questions. – 1995. – No. 4. – P. 3-14.
- 4 Yudin A.V. Russian national spiritual culture: manual for students of higher education institutions. – M.: The higher school, 1999. – 331 p.
- 5 Kolesov V.V. Philosophy of the Russian word. – SPb. UNA, 2002. – 448 p.
- 6 Vendina T.I. Word formation as source of reconstruction of language consciousness // linguistics Questions. – 2002. – №4. – P. 42-71.

